

СВЕТЛАНА СЕРВИЛИНА

ON
AIR

БЛИНОПЁК

ДЕТЕКТИВ

Светлана Сервилина

Блинопёк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40220374

ISBN 9785449613424

Аннотация

Блинопёк – на криминальном жаргоне фальшивомонетчик. Журналистка Юлия Симонова и представить не могла, что, собравшись к портнихе за костюмом, окажется на месте преступления. Кому помешала работница трамвайно-троллейбусного парка? Почему два незнакомых мужчины независимо друг от друга признаются в причастности к этому преступлению? И кто отравил свидетельницу? В поисках истинного убийцы Юля неожиданно находит улику, которая приводит к раскрытию еще одного преступления. И где? У себя дома!

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	30
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Блинопёк

Светлана Сервилина

Дизайнер обложки Н. В. Красненко

Редактор К. Т. Ландаева

© Светлана Сервилина, 2019

© Н. В. Красненко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-1342-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВЕТЛАНА СЕРВИЛИНА

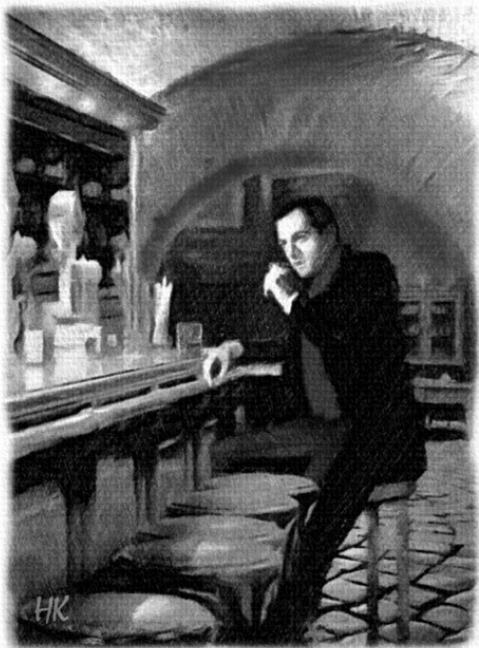
Мужчина допил виски и, поставив стакан на стол, кивнул проходившему мимо официанту. Тот понял жест постоянного клиента и через минуту принес еще один, наполненный янтарным напитком. Между тем помещение старинного

ирландского бара с невысоким сводчатым потолком на пятой Авеню наполнялось посетителями. Вечером в пятницу здесь, в Нью-Йорке, любят отдохнуть в милом уютном местечке и поболтать, неторопливо потягивая пиво, вино или виски. Кому что нравится. Мужчина сделал очередной глоток и задумался. Кто бы мог предположить, что он, простой парень из российской провинции, однажды пересечет Атлантический океан и станет жить в этом удивительном городе. Он вспомнил свой первый день в Нью-Йорке и усмехнулся. Все было незнакомым и непривычным, когда он очутился на Манхеттене, прогулялся по знаменитому Бродвею от Уолл-стрит до Таймс-сквер, о котором много слышал и читал. Обилие «живой» рекламы, сверкающих вывесок, суевающейся разношерстной и пестрой толпы ошеломили и потрясли его воображение. Он вспомнил слова классиков. «Спокойное эдисоновское электричество превратили в дуровского морского льва. Оно ловит носом мячи, жонглирует, умирает, оживает, делает все, что ему прикажут, – так описали это место Ильф и Петров еще в тысяча девятьсот тридцать шестом году! Прошло больше полувека и наружная реклама в этой стране приобрела еще больший размах.

За соседним столиком два пожилых американца громко делились впечатлениями о недавнем хоккейном матче в Бруклине, а по-прежнему одинокий посетитель сидел и улыбался своим воспоминаниям. Нет, он не забыл, как шесть лет назад стоял на берегу холодного Гудзона и думал,

что этот живой водный поток и есть выход в дальний мир, выход к океану, дорога мимо Эллис-Айленда к Европе, потом к России и, наконец, к родному Краснодарскому краю. По нему он скучал, но мысленно навсегда закрыл для себя этот выход. Мужчина не спеша рассчитался с официантом и уже собрался покинуть это уютное местечко, когда встретился с неподвижным взглядом человека, сидящего у барной стойки. В ту же секунду внутри все похолодело. Исчезло, улетучилось легкое опьянение, мгновенно испарилось приятное ностальгическое настроение, а вместо этого появился панический ужас. Он узнал этого человека и даже вспомнил его кличку – «Шип». Шип в свое время состоял в краснодарской банде. Их группировка была известна своей жестокостью, и он испытал эту жестокость на себе, когда его бросили в подвал и приковали к ноге тяжелую цепь. С трудом сдерживая появившийся озноб, он вышел из бара и порывисто направился домой. На освещенных улицах мирно прогуливались прохожие, слышался жизнерадостный смех и хрипловатые звуки саксофона уличного музыканта. Все было романтично в этот ничем не примечательный тихий сентябрьский вечер, но только не для стремительно шагающего человека, который чувствовал смертельную опасность от этой нечаянной встречи. Среди домов каменных джунглей Манхэттена виднелась светящаяся пика знаменитого Эмпайр Стэйт Билдинга. Мужчина вздохнул, подумав, что от бандита не спрятаться даже в нем. Он тешил себя безрассудной мыслью, что

Шип его не узнал в сумраке слабого освещения кафе. Поднимаясь по ступенькам из метро на своей станции, мужчина впервые оглянулся. Он сделал это незаметно, словно поправляя ворот рубашки. Ничего особенного. Простые американцы, спешащие по домам после трудовой недели. Он стал успокаиваться, стараясь отвлечься от навязчивой мысли о слезке, и думать о Нью-Йорке, как о живом организме. Этот город как музыка, как стихи, как картина... Он живет, стареет и умирает. Он видел много судеб и человеческих драм. Его окна, как глазницы, наблюдают за всем, что происходит вокруг. Мужчина суетливо открыл парадную, поднялся на третий этаж и, затворив за собой входную дверь, жадно втянул носом воздух. Пахло домом. Пусть не родным, но это было его единственное убежище от недружелюбного внешнего мира. Не включая свет, он подошел к окну и, осторожно раздвинув две рейки жалюзи, глянул вниз. На пустынном тротуаре перед входом в его подъезд стоял Шип и курил.

5

– Вот и все, – проговорил мужчина, медленно оседая в кресло.

Он понимал, что времени у него осталось совсем немного, возможно, считанные секунды. Будто скинув тягостное

оцепенение, он быстро взял лист бумаги и стал стремительно писать. Уже через пять минут короткое послание было готово. Он тихо вышел в подъезд, украдкой глянув вниз, в лестничный проем, а потом позвонил в дверь к соседке.

– Мэм, простите за поздний визит, но у меня к вам просьба, – проговорил он с улыбкой

– Слушаю вас, – вежливо ответила старушка, поправляя пижаму.

– Для меня это очень важно, – мужчина протянул голубой конверт, – опустите его завтра, пожалуйста, в почтовый ящик.

– Непременно, – она понимающе кивнула и взяла письмо с многочисленными марками.

Мужчина вернулся в свою квартиру и стал ждать старого знакомого. Что гость сегодня придет, он не сомневался.

Глава 1

В картонной коробке от обуви их было пять. Пять маленьких пушистых комочков, живых и писклявых. Юля Симонova с нежностью смотрела на эти копошащиеся существа, подслеповато тыкающие свои мордочки в мамин живот с розовыми сосками. Кошка безучастно лежала, устало закрыв глаза, а Юля любовалась этой милой идиллией, пока портниха доставала из платяного шкафа ее будущий костюм.

– Наша Мурка родила их тридцать первого августа, прямо на день рождение старшей дочери, представляешь? – усмехнулась она, заметив, что клиентка наклонилась и восторженно рассматривает содержимое коробки.

– Надо же, какой подарок!

– Куда их теперь? – недовольно буркнула та, подавая пиджак, смётанный на «живую» нитку.

– Какие они милые, Лена, – Юля просунула руки в проймы.

– Конечно, милые, только никому не нужные, – промычала портниха, зажав в зубах булавки.

Неожиданно в спальню, где проходила примерка, неуверенным шагом вошла её двухлетняя дочь и сразу направилась к коробке. Пухленькая девочка, не обращая внимания на взрослых, кряхтя, присела на пол и протянула ручонки к пушистым комочкам. Она взяла одного котенка и, крепко

обхватив пальцами вокруг шеи, стала любоваться.

«Наверное, так проявляется детская любовь к животным», – подумала журналистка, напряженно наблюдая за дочерью портнихи и маленьким лопухим существом, которое безуспешно открыло рот, однако, его крика о помощи не было слышно.

– Лена, она его сейчас задушит, – не выдержала она и кинулась спасать котенка от малолетней истязательницы.

– Постой, – вскрикнула портниха, не успев убрать булавку из проймы.

На руке клиентки выше локтя тут же образовалась красная полоска, наливающаяся кровью, но Юля даже не обратила внимания на эту мелочь. Она аккуратно разжала пальцы девочки и, шутливо погрозив ей пальцем, осторожно взяла в руки пушистый комочек. Малышка не отрывала взгляда от своей живой игрушки, потом повернулась лицом к матери. Глаза девочки стали наполняться слезами, а ее нижняя губа стала медленно выдвигаться вперед. Через несколько секунд раздался истошный крик.

– Танька, – позвала Лена старшую дочь, – забери Анюту! Она нам мешает!

Тут же в комнате появилась худенькая девочка лет двенадцати. Её светлые волосы были коротко пострижены, так что на мочках ушей были видны скромные золотые сережки с розовыми камешками. Таня вежливо поздоровалась с маминой знакомой и неохотно взяла младшую сестренку за ру-

ку.

– Мне уроки делать надо, – пробурчала она.

– С каких это пор вам на воскресенье задают? – с усмешкой спросила у неё Елена, доставая из шкатулки булавки с декоративными шариками по краям.

– Ага, ты училкам задавай такие вопросы, – девочка показала кулак Анюте, которая настырно упиралась, не желая расставаться с котятами.

– Включи ей мультики, – кивнула мать.

Анюта замахала руками, и ее голос раздавался еще минут пять из другой комнаты, как сирена скорой помощи.

– Лен, ты прости, но я так испугалась, – Юля виновато посмотрела на портниху, поправляя на себе пиджак.

– Ладно-ладно, – усмехнулась та, протирая кусочком ткани кровавую царапину, – зря переживаешь за них, – она кивнула на кошачье семейство, – выбросим на улицу, всё равно все сдохнут.

Пока Лена прикрепляла булавками рукав, Юля смотрела на котенка, который поднял мордочку, пытаясь разглядеть свою спасительницу. Из-за того, что он высоко задрал голову, он потерял равновесие и упал, смешно растянув крохотные лапки. Между тем портниха придиричиво посмотрела через зеркало на клиентку, поправила лацканы у пиджака и довольно кивнула.

– Удобно?

– Да, сидит идеально!

– Ну и хорошо. Теперь надевай брюки.

– А можно я этого малыша возьму себе, – она наклонилась и легонько провела указательным пальцем по серой спинке животного, – он такой смешной. Ты только посмотри на него!

– Забирай, – улыбнулась хозяйка и присела на корточки рядом с глазастым существом, – только это не мальчик.

– Правда? – озадаченно переспросила журналистка.

– Ага, – хмыкнула Лена.

– Ну что же, будут у нас три девочки, – засмеялась Юля, застегивая молнию на брюках.

Портниха чиркнула мелом у линии бедер и талии, а потом опустила на пол, проверяя посадку изделия.

– Ты же костюм с туфлями на каблуках будешь носить?

– Да, конечно.

– Значит, прибавим немного, – она выдернула нитку в низу штанины и заколола булавку.

В соседней комнате опять раздался детский плач. Женщина покачала головой и устремила к дочкам.

– Можешь снимать костюм, – сказала она уже в дверном проеме, – а я сейчас утихомирю Анюту и вернусь.

Журналистка ловко сняла пиджак и уже собралась положить его рядом со швейной машинкой, когда услышала требовательный звонок в дверь.

– Юленька, открой, пожалуйста! – крикнула портниха из детской.

Симонова торопливо натянула джинсы и блузку и, поправляя на ходу воротник, направилась в коридор. На пороге стоял невысокий мужчина средних лет. Достаточно было одного мимолетного взгляда, чтобы понять всю непрезентабельность незнакомца. Помятый пиджак застегнут на одну пуговицу, в виду того, что вместо двух остальных торчат разноцветные нити. Нервно постукивая по кафельному полу пыльным носком растоптанного ботинка, он сдвинул брови.

– Кривошеевы здесь живут? – спросил он не поздоровавшись.

Юля растерялась. Портниху ей посоветовала школьная подруга Ольга Шарова. Неделю назад журналистка впервые пришла в этот дом и заказала брючный костюм из тонкой шерсти. Все, что она знала, это имя и адрес. Поэтому простой вопрос поставил ее в тупик. Она пожалала плечами и негромко крикнула вглубь квартиры:

– Лена, как твоя фамилия?

– Макеева, – ответила та, не спеша выходя из детской с младшей дочкой на руках, – а что случилось?

– А, вот оно что, – невежливый мужик почесал за ухом, сдвинув на лоб кепку. Журналистка хотела что-нибудь сказать, чтобы его задержать. «Может быть, Лена знает этого бродягу?» – мелькнула мысль. Она пристально посмотрела на незнакомца, но он, бросив недоверчивый взгляд через плечо молодой женщины, повернулся к ней спиной и стал торопливо спускаться вниз.

– Кто это?

– Какой-то мужчина спрашивал Кривошеевых.

– Странно, – портниха поправила челку, спадающую на лоб, – у нас соседей таких сроду не было.

– Может, он подъездом ошибся?

– Да я здесь с детства живу, а про Кривошеевых не слышала. Странно, – опять повторила она в раздумье.

– Леночка, а когда мой костюм будет готов? – собираюсь уходить, спросила журналистка, осторожно придерживая крохотное существо.

– Там осталось всего нечего, – молодая женщина посмотрела на притихшую младшую дочь и с укором ей сказала, – зачем напугала тетю Юлю? Пришлось ей у нас котенка забрать!

Анюта насупилась и прижалась к маме.

– Я быстро его закончу, – Лена перевела взгляд на календарь, висящий на стене, – давай послезавтра. Тебе удобно?

– У меня во вторник как раз вечерний эфир, поэтому полдня буду дома, – Юля повесила свою сумочку на плечо, – я в обед к тебе забегу, часов в двенадцать. Хорошо?

– Договорились, – улыбнулась Лена.

Марта радостно взвизгнула, увидев маму в дверях.

– Какой он малюсенький, – девочка протянула руки и осторожно взяла котенка, – он будет жить у нас?

– Да, – улыбнулась Юля, снимая туфли.

– Мамулечка, правда? Ой, как здорово! А как его зовут?

– Она еще безымянная.

– Так это девочка?

– Девочка.

– Я ее покормлю, можно?

– Теперь это твой питомец, и ей всего тринадцать дней.

Ты же хотела котенка, вот теперь и заботься о ней, – Юля весело подмигнула дочери и пошла к своему дивану.

Она слышала, как на кухне возится Марта, хлопая дверцами гарнитура и гремя кастрюлями. Через несколько минут она заглянула к маме в комнату. Котенок с капельками молока на мордочке спал у нее на руках, заботливо завернутый в кружевное покрывальце от кукол.

– А я ей придумала имя, – тихо проговорила девочка, покачивая пушистое создание.

– Какое? – Юля с интересом посмотрела на нее.

– Я родилась в марте, поэтому я – Марта, а наша девочка, – она с нежностью посмотрела на сверток, – родилась в августе. Значит, Августина!

– Хорошее имя, – улыбнулась женщина, – но только не кошачье. Как ты её сокращенно будешь звать?

– Августина, – Марта на секунду задумалась, – Гуся.

– Ну, Гуся, так Гуся, – засмеялась Юля, – у всех девочек в нашей семье будут имена – названия месяцев.

– Кстати, – дочь сосредоточенно сдвинула брови, – из каких соображений тебя назвали Юлией, если ты родилась то-

же в марте?

– Это ты у бабушки спроси, – отшутилась мама.

– Спрошу, – важно пообещала девочка.

Когда довольная от своих новых обязанностей дочь ушла к себе, Юля включила телевизор. В воскресенье делать ей было нечего. Она вздохнула, вспомнив Виктора. Со дня официального предложения стать его женой прошло уже почти четыре месяца, но в их жизни так ничего и не поменялось. Бывшая супруга по-прежнему настойчиво тревожила его по разным поводам. Раньше это касалось бытовых и финансовых проблем, но неделю назад она позвонила и попросила его поехать вместе с их дочерью к ней на родину. По её словам, серьезно заболела мать, и ей срочно понадобилась помощь мужа, пусть и бывшего. Юля только руки развела. Конечно, ей хотелось праведно возмутиться и никуда не отпускать Николаева, потому что их планы на первый совместный отпуск разом рухнули от этого звонка. Но она промолчала, хотя они с Виктором планировали в сентябре романтическое путешествие на море, вдали от шума и городской суеты. И вот теперь она сидит одна, а что там делает её любимый мужчина, она может только предполагать.

– То густо, то пусто, – вздохнула журналистка и вспомнила про своего гражданского мужа майора уголовного розыска Андрея Осипова. Теперь уже тоже бывшего. Скоро год, как его по службе перевели в Москву, и после их последней встречи в мае, он больше не звонит. Юля даже мотну-

ла головой, словно отгоняя неприятные воспоминания об их обстоятельном разговоре. Конечно, если бы Марта не настроилась на обещанные праздники в столице, Юля бы туда не полетела. А то получилось как-то некрасиво: приехала к близкому человеку, а вместо встречи влюбленных, на которую надеялся Андрей, он получил сдержанные объяснения о том, что «между ними все кончено, потому что она любит другого». И Осипов опять оказался интеллигентно благородным и лояльным. Он продолжал ухаживать за гостями, не отклоняясь от намеченной программы развлечений: сводил их в Большой театр, на праздничный ужин в ресторан и даже на каруселях в парке Горького веселился с Мартой, как ни в чем не бывало.

«Но, к сожалению, сердце выбирает не всегда тех, кто по всем параметрам подходит в мужья. Оно само по себе и порой отказывается дружить с головой», – подумала она и потянулась за тетрадь. Рассуждать о непредсказуемости человеческих поступков и чувств журналистка любила на бумаге. Это привычка у неё появилась давно. Еще в пятом классе она начала вести «Дневник откровенности», куда скрупулезно записывала свои философские мысли. Спустя годы было занятно читать наивные девичьи соображения по поводу любви и дружбы, её умиляли детские трогательные комментарии на серьезные темы. Может быть, и сегодняшние грустные мысли и откровения покажутся через годы непосредственными и простодушными.

Очередная творческая «летучка» в понедельник закончилась громкими объяснениями между коллегами. Студия «Телеком» входила в состав крупнейшего предприятия федерального значения «Нефтегазмет», и за каждым корреспондентом было закреплено одно из подразделений этого промышленного гиганта. Сотрудники телекомпании с неохотой ездили на «свои» объекты, считая обязанности по информационному освещению производства, унылой и никому не нужной барщиной. Мало того, что от областного центра нужно было проехать почти тридцать километров по трассе, так еще приходилось в приемной часами ждать какого-нибудь начальника, чтобы взять обещанное интервью. А в этот раз в администрацию «Нефтегазмета» пожаловала серьезная делегация из столицы, поэтому было очевидно, что на завтрашнем совещании будут присутствовать руководители всех подразделений, и съемочной группе придется попотеть, чтобы собрать материал для развернутого репортажа о предприятии и возможных кадровых перестановках, о которых последние месяцы настойчиво поговаривали сотрудники.

– Слушайте, товарищи, я не поеду! – категорично заявила Настя Прокопенко. – У меня собака с голоду умрет, если меня целый день не будет дома! Кто мою Келли покормит?

– В твоём возрасте пора уже мужика иметь, – ехидно встала Ирина Петровна Чаплыгина, не поворачивая головы.

– Тебя не спросили, – в тон ответила ей Анастасия.

– У меня завтра съемка в бизнес-центре, – Наталья Лосова пожалала плечами, – я договорилась об этом неделю назад, – она повернулась к Карине, – и известила начальство!

– Мы вчера с мужем на рынке овощей закупили, – Марина Еремеева обиженно надула губы, – столько добра пропадет! Я собиралась сегодня и завтра консервированием заняться после работы.

Юля скромно сидела за своим столом в углу и молчала, думая, что поход к портнихе за новым костюмом сорвется, если главный редактор отправит на предприятие её.

– Симонова, а ты сможешь? – Карина Давидовна, словно подслушав её мысли, обратилась к ней.

– У меня завтра вечерний эфир, – виновато буркнула журналистка, понимая, что её сможет подменить любой коллега.

– Да вы все офигели! – праведно возмутилась Карина и строго посмотрела на подчиненных.

– Точно! – лстиво поддакнула ей Чаплыгина зная, что её никто в администрацию не пошлет.

– Собаки, закатки! Тоже мне, нашли уважительные причины! Хотите, чтобы сорвалась важная съемка? – продолжила главный редактор, довольная поддержкой Ирины Петровны.

– Сама и езжай! – усмехнулась Лосова. – Ты же любишь перед начальством покрутить пятой точкой!

Карина Давидовна с недовольным видом открыла рот,

чтобы ответить строптивой сотруднице, но в этот момент из-за компьютера раздался тихий голос Левы Рыбина:

– Давайте я поеду.

Все облегченно вздохнули, а Карина, шутливо погрозив кулаком Наталье, радостно проговорила:

– Ну вот, вопрос решен.

Лева, ты не царь зверей! – довольно хохотнула Наталья. – Ты наша золотая рыбка!

– Я тебя обожаю! – помахала парню рукой Настя.

– С меня банка компота, – пообещала ему Маринка.

– Лучше вина! – шутливо ответил ей Рыбин.

Операторы и режиссеры, не участвовавшие в жарком диспуте, отправились в курилку. К ним присоединились и несколько корреспондентов.

– Ну и язва эта новенькая, – прошептала Юля, наклонившись к столу Насти, когда редакторская опустела.

– Она не новенькая, – махнула та рукой, – Чаплыгина здесь много лет работала, потом ушла на «вольные хлеба».

– А что же опять вернулась? – спросила Симонова.

– Возраст, – усмехнулась Прокопенко, – тетке уже под пятьдесят, не так востребована, как в былые времена.

– А чем она занималась?

– Проще ответить, чем она не занималась, – улыбнулась коллега, – концерты вела, свадьбы, юбилеи, плюс на всех выборах в штабах шустрила. «Фигаро здесь, Фигаро там».

– А теперь?

– А теперь молодежь на пятки наступает, вот и вернулась в коллектив. Что ни говори, а зарплата здесь хорошая. И стабильность, и график не напряженный. Ей уже о пенсии надо думать.

– Вот оно что, – рассеянно проговорила Юля, посмотрев в конец коридора вслед удаляющейся Ирине Петровне.

– А что Петровна – язва, это ты правильно заметила, – Настя неожиданно вернулась к началу разговора о Чаплыгиной.

– Я думала, как хорошо, что Ангелину Владимировну отправили на пенсию, – хмыкнула собеседница, – вот была любительница подпортить настроение! Достали ее ворчливые замечания.

– Рано радовалась, – Прокopenко лениво потянулась за бокалом, – пойду, кофе сделаю. Ты присоединишься?

– Нет, – Юля с сожалением посмотрела на часы, – не успею. У меня через пятнадцать минут выезд!

– Что снимаешь?

– Да, – журналистка махнула рукой, – какой-то актрисе драмтеатра дали звание «Заслуженной». Надо записать с ней интервью.

– А, – Настя кивнула, – тогда попьем, когда вернешься.

В театр съемочная группа приехала, когда уже начался спектакль. На сцене шла сказка «Двенадцать месяцев». Бедная падчерица с дырявой корзиной в руке шла, озираясь,

по лесу. Из колонок слышалось завывания волка и метели. И непонятно, что было страшнее. В зрительном зале, поглощенном тьмой, было так тихо, что казалось там никого нет. Пока Славик Дьяков делал подсьемку в вестибюле театра, Юля осторожно прошла за кулисы и чуть не упала, нечаянно наткнувшись на картонные декорации. В полумраке она увидела женщину в театральном костюме мачехи и тихо спросила:

– Вы не подскажите, где актриса Людмила Афанасьева?

– Это я, – услышала она шепот.

– Ой, – смутилась гостья, – а я – Юлия Симонова. Я вам в пятницу звонила по поводу интервью.

– Очень приятно, – журналистка почувствовала теплое пожатие ладони, – пойдете ко мне в примерную.

– А спектакль? – растерянно кивнув на сцену, спросила гостья.

– Мой выход через полчаса, – успокоила её актриса.

Заслуженная актриса оказалась милой сорокалетней женщиной с бархатистым голосом. Она без жеманства и ложной скромности рассказала о себе, упомянув своих партнеров по спектаклям, с которыми ей пришлось работать в разные годы. Юля с искренним интересом слушала Людмилу, поражаясь ее правильному русскому языку и грамотной речи. Когда закончилось интервью, и оператор, сложив штатив, сообщил, что пойдет «набивать» кадры со зрителями, актриса предложила выпить чаю.

– Вы знаете, я сама экспериментирую с этим напитком, добавляя разные травы и листья. Хотите попробовать?

Славик деликатно отказался и ушел, а Юля осталась, чтобы еще немного пообщаться с приятным собеседником. Афанасьева, в самом деле, была удивительным рассказчиком.

– А случались у вас курьезы на сцене? – спросила Юля, разворачивая обертку конфеты.

– Сколько угодно! – засмеялась Людмила. – Это же театр, он не может существовать без курьезов.

– Вспомните какой-нибудь случай, – попросила гостя.

– Пожалуй, – актриса задумалась, – расскажу про казус с актером, который уже здесь не служит.

– Он перешел в другой театр?

– Ну что вы! Дмитрию Ивановичу уже под восемьдесят! Он давно на заслуженном отдыхе, хотя играл до лет семидесяти. Последние годы он плохо запоминал свой текст, поэтому ему давали небольшие роли в детских спектаклях.

– Как гуманно со стороны руководства, – заметила Симона.

– Да, верно. Художественный руководитель нашего театра с большим уважением относится к старой гвардии, – Афанасьева улыбнулась, – так вот, Дмитрий Иванович играл собачку в детской сказке на протяжении нескольких лет. Както зимой он приболел, но все равно продолжал участвовать в постановке. Однажды, чтобы не уходить далеко от сцены,

он поставил себе стульчик прямо за декорацией и уснул.

– Во время спектакля?

– А что вы хотите, – актриса развела руки в разные стороны и мило улыбнулась, – пожилой человек!

– И он проспал свой выход? – предположила журналистка.

– Нет, его разбудили актеры. Только в этот день шла не сказка, а спектакль по повести Вениамина Каверина «Два капитана», где он должен был сказать какую-то простую фразу, типа «кушать подано!». Заспанный Дмитрий Иванович выскочил из своего убежища на сцену и, посмотрев на главного героя, громко крикнул: «Гав-гав!»

Вечером позвонил Виктор и сказал, что очень соскучился и уже выезжает домой. От его волнующих слов и пронзительных признаний в любви у Юли моментально поднялось настроение. Несмотря на усталость от напряженного дня, жизнь опять казалась ей прекрасной, а все люди добрыми и приятными. Молодая женщина уснула с благодушной улыбкой.

Она открыла глаза, когда солнечные лучи, проникнув через тонкую занавеску, приятно ласкали лицо. В открытую форточку неожиданно потянуло едва заметным запахом ковра. «Жгут листья, как в детстве», – подумала Юля и, откинув одеяло, подошла к окну. Осень была её любимым временем года. Особенно её начало, когда радуется взгляд яркий на-

ряд природы. Будто невидимый художник взял в руки кисть и краски и начал раскрашивать листву в сочные тона. Он уже коснулся верхушек деревьев, украсив их целым спектром акварели: от нежно-лимонного до пурпурного. И солнечный свет смягчился, пожелтел, он больше не слепит глаза, как летом. А воздух! Он наполнен новыми осенними ароматами: запахом сухой травы, опавших листьев, сырости, спелых яблок и хризантем. Юля сделала глубокий вдох и почувствовала наслаждение. Она лениво потянулась и, накинув на пижаму халат, не спеша направилась на кухню. На столе стоял ее любимый бокал, а в тарелочке – два бутерброда. Мысленно похвалив дочь за заботу, она отодвинула стул и уже хотела на него сесть, когда увидела пушистый комочек. Котенок мирно спал на сиденье, уютно свернувшись калачиком.

– Кис-кис, – позвала она.

Глаза малышки открылись, и она протяжно зевнула, вытянув вперед лапки с крохотными коготками.

– Гуся, – Юля погладила питомца за ухом.

Августина опять сомкнула глазки, никак не отреагировав на заигрывания со стороны хозяйки.

В приподнятом настроении журналистка подошла к дому портнихи, внутренне радуясь, что сегодня вечером приедет Виктор, и она удивит его новым нарядом. Однако её насторожили две машины: скорой помощи и милиции, припаркованные у подъезда Лены. Когда Юля быстрым шагом подня-

лась на четвертый этаж, то увидела на площадке двух серьезных служителей правопорядка.

– Здравствуйте, а что здесь случилось? – растерянно обратилась она к милиционерам

– Вы в какую квартиру? – проигнорировав её вопрос, спросил один из них и сдвинул брови.

– А в чем дело? – возмутилась Юля и миролюбиво добавила. – В шестьдесят третью, – с усмешкой подумав: «Ой, боюсь-боюсь!»

– К кому?

– К Елене Макеевой, – твердо ответила корреспондентка и уверенно направилась в квартиру портнихи.

– Ну-ка, – милиционер преградил ей путь, – для начала покажите документики, гражданочка!

– Молодой человек, – она суетливо полезла в сумочку, – я с собой паспорт не ношу! У меня только пропуск на работу

– Тогда разворачивайтесь!

Неожиданно распахнулась дверь шестьдесят третьей квартиры, и оттуда раздался бодрый и такой знакомый голос:

– Ах, Юлия Сергеевна, и снова здравствуйте! У вас врожденное чутье на убийства или приобретенное?

В проеме стоял подполковник уголовного розыска Вениамин Сергеевич Колесников.

– Веня, привет! – пропустив мимо ушей его иронию, она поздоровалась и серьезно спросила. – Какое убийство?

– Жестокое, – шепнул он.

Колесников взял ее за локоть и, строго глянув на милиционеров, начальственно проговорил:

– Свободны, бойцы!

Юля стояла, как вкопанная, и напряженно смотрела на друга, который жестом пригласил её в квартиру.

– А кого убили?

– Хозяйку!

Глава 2

У журналистки сжалось сердце, когда она увидела в коридоре очертания лежащего человека и редкие засохшие капли крови на полу. Отчаянные мысли теснили друг друга и мешали сосредоточиться. Сколько Лене было лет? Тридцать два или тридцать три? А две дочери, одной из которых нет даже двух лет, теперь останутся сиротами? В их первую встречу портниха рассказывала, что её муж умер. Юля всхлипнула.

– Только влажность не разводи, – Вениамин подтолкнул её в сторону спальни и негромко крикнул кому-то, – накапайте валерьянки, тут журналистка слабонервная пришла!

Симонова встала в дверях комнаты и замерла. На кровати лежала портниха, а медсестра ей делала укол в вену.

– Лена? – растерянно проговорила клиентка.

– Ой, Юленька, – по щекам женщины мгновенно потекли слезы.

– А мне сказали, – она обернулась и посмотрела с вызовом на Колесникова, – что убили хозяйку квартиры.

– Да, – застонав, ответила Макеева, – маму мою, – она закрыла лицо свободной рукой и зарыдала.

– Успокойся, успокойся, – пробормотала Юля не зная, что можно еще сказать в подобной ситуации.

Медсестра вытащила иглу из вены пациентки и кивнула

гостье:

– Может, вам тоже сделать успокоительное?

– Нет, спасибо! У меня все нормально, – сдержанно произнесла она и спросила у портнихи, – а где дочки?

– Соседка забрала.

– Юль, – позвал её тихо подполковник и махнул рукой, – пойдем на кухню, надо поговорить.

Когда журналистка села на табуретку, Вениамин спросил:

– Давно с ней общаешься?

– Дней десять назад заказала у неё брючный костюм, – без лишних подробностей ответила она.

– А мать её знала?

– Нет, – Юля достала из сумочки носовой платок и аккуратно протерла нижние веки, – расскажи, что здесь произошло?

– Елена Аркадьевна Макеева в семь тридцать утра пошла отводить младшую дочь в детский сад. Вернулась домой около девяти и обнаружила в коридоре труп своей матери.

– А старшая дочь? – вспомнив белокурую Таню, спросила журналистка.

– Она была в школе.

– Соседей уже опросили?

– О, – усмехнулся Колесников, – вижу адский огонь в глазах. Чувствую, в тебе опять проснулся сыщик.

– Вень, – Юля с укором посмотрела на офицера уголовного розыска, – у меня своей работы на телеке хватает. И во-

обще, я считаю, что в любом деле важен профессионализм.

– Так-так. Свежо признание, да верится с трудом, – процитировал Грибоедова подполковник.

– Ну и не верь, – обидчиво произнесла собеседница.

– Юлька, это ты из-за Андрея решила больше не заниматься расследованиями, да? – он испытывающее посмотрел на Симонову.

– Причем здесь твой Осипов? – Юля поднялась с табуретки и медленно двинулась на выход.

– Не обижайся, друг, – улыбнулся Вениамин, – мы по-прежнему все рады тебя видеть!

– Кто это «мы»?

– Мама, Дашка, дочки и все ребята в нашем отделе, – он сказал это совершенно серьезно, без доли иронии.

– Спасибо, Веня! – от этих слов журналистке стало приятно. Она повернулась и поцеловала мужчину в щеку.

– Если вдруг что узнаешь по этому делу, – подполковник подмигнул, – заходи поделиться!

– Обещаю!

Когда Юля вышла из подъезда, там уже собрались любопытные. Немолодые женщины шушукались между собой.

– Говорят, Антонину убили, – с тяжелым вздохом проговорила полная женщина лет шестидесяти.

– Неужели? – худосочная старушка от неожиданного известия прикрыла рот ладошкой, – нашу Тоньку? За что?

– А я знаю? – подбоченилась первая. – Ко мне милиционеры приходили, искали свидетелей.

– Вот беда-то, – пожилая соседка в платочке покачала головой, – жалко её. Хорошая баба была.

– А вы знали убитую? – спросила журналистка у собеседниц, которые разом повернулись к ней.

– Что же не знать? Живем тут с шестьдесят пятого года в одном подъезде! – уверенно ответила полная дама.

– Я даже помню, как Антонину «выкупали», – скромно произнесла соседка, поправляя платок.

– Как это: «выкупали»? – удивилась Юля.

– Ну, как женихи невест выкупают? – усмехнулась «худосочная». – Традиция такая на свадьбах!

– Значит, и Лену с детства знаете?

– Конечно, с самого рождения, – уверила журналистку бойкая соседка.

– И её тоже выкупали?

– Нет, – махнула рукой та, которая была в платочке, – не до выкупа было! Хорошо, что женился!

Юля хотела еще разузнать, но пожилые соседки отвернулись от нее и замолчали, словно эта тема была неинтересна.

Всю дорогу Симонова мысленно размышляла над словами старушки. Почему же «не выкупали»?

Подходя к телестудии, Юля вспомнила, что не забрала у портнихи свой костюм. Было как-то неловко тревожить

женщину и спрашивать про заказ в такой печальной ситуации. Журналистка решила, что обновку она наденет на следующий эфир, а вот навестить портниху надо завтра. Может быть, Лене понадобится её помощь?

В курилке, как всегда, толпился народ. Димка Матвиевский как-то хитро посмотрел на неё, но, кроме приветствия, ничего не сказал. Охранник Толик весело подмигнул:

– Добрый день, Юлёк! Отлично выглядишь!

Она ответила на комплемент и про себя подумала, что сотрудники сегодня радостнее обычного. С чего бы это?

На рабочем столе одиноко стоял её бокал с остатками кофе. Она точно знала, что вчера, уходя со студии, его тщательно помыла. Журналистка брезгливо поморщилась, потому что не любила грязную посуду. Она подозрительным взглядом обвела редакторскую. Спортивный корреспондент Света Тимофеева что-то довольно быстро писала, не поднимая головы, Маринка сосредоточенно разговаривала по мобильному телефону, Настя Прокопенко и Наталья Лосова были на выезде, а Чаплыгина беззаботно пила чай с печеньями, склонившись над журналом. «Как обычно, решает кроссворды», – догадалась Юля. Проанализировав действия сотрудников и призвав мысленно весь свой опыт в расследованиях, сыщица сделала вывод, что коллеги тут ни при чем. Того, кто безответственно использовал её посуду в личных целях и не соизволил потом помыть, скорее всего, надо искать среди операторов или режиссеров. Симонова с некоторым от-

вращением взяла двумя пальцами бокал и отправилась в туалет. Но не успела она сделать и пяти шагов по коридору, как её кто-то схватил сзади за плечи и грозно прошептал прямо в ухо:

– Жизнь или кошелек?

Оцепенение от неожиданности длилось не более секунды, после чего журналистка с усмешкой ответила не оборачиваясь:

– Дурак ты, Николаев!

– А как ты догадалась, что это я? – Виктор развернул любимую и бережно прижал к себе.

Юля, уткнувшись носом в рубашку мужчины, почувствовала, как учащенно бьется его сердце.

– Во-первых, ты не меняешь туалетную воду уже несколько лет, – иронично ответила она и подняла голову.

– А во-вторых?

– А во-вторых, я поймала хитрые взгляды твоих дружков. Запретил им говорить, что явился на студию?

– Было такое, – улыбнулся он и с нежностью провел ладонью по ее волосам, – я безумно соскучился.

– Я – тоже.

Николаев прикоснулся губами к ее лицу и стал порывисто целовать, будто боясь, что кто-нибудь его остановит.

– Давай сбежим домой? – еле слышно проговорил он, не выпуская женщину из крепких объятий.

– Я сегодня на эфире, – вздохнула Юля.

– Что же будем делать?

– Для начала давай попьём кофе! – она кивнула на свой бокал. – Только я сейчас его помою. Представляешь, кто-то из него, – она не закончила фразу, потому что догадалась, кто этот «кто-то».

Журналистка снисходительно усмехнулась и пристально посмотрела на Виктора. Но долго сердиться на любимого она не могла. В его болотно-карих глазах играли задорные огоньки, крылья носа трепетно раздувались, а мягкая полуулыбка могла покорить и обезоружить кого угодно. Её – точно. Юля обожала, когда он улыбался и так на неё смотрел. В такой момент она могла простить ему всё, что угодно. Даже свой невымытый бокал. Однако их мимолетный романтический настрой мужчина прервал сам.

– Вот я понимаю, у тебя талант сыщика! Как быстро, а главное, верно, ты раскрыла преступление! – стал балагурить он. – Виновного нашла, даже не снимая отпечатков!

– Иди, мой дорогой, и уничтожь свои отпечатки, – она засмеялась и протянула ему грязную посудину.

До эфира оставалось еще два часа, и Юля могла себе позволить не спеша, попить кофе с любимым мужчиной и обсудить последние новости. Сюрприз с новым костюмом не получился, поэтому она без утайки рассказала про убийство матери портнихи.

– Правильно тебе сказал Колесников, что у тебя чуйка на мокруху, – вздохнул Виктор, – надеюсь, ты не будешь бе-

гать по городу и искать убийцу?

– Не буду, – уверенно ответила молодая женщина.

Однако вечером, когда они после ужина усадились на диван смотреть телевизор, позвонила бывшая одноклассница Ольга Шарова и нарушила семейную идиллию.

– Знаешь, что у Лены убили мать? – без предисловий спросила она.

– Знаю.

– Откуда?

– Я пришла забрать свой заказ, а там, – Юля вспомнила визит к портнихе, – уже оперативники.

– Бедная женщина, – вздохнула Оля.

– Да, – согласилась подруга, – мне тоже очень жалко Лену. Осталась совсем одна с двумя детьми.

– Я не про Лену, а про её мать. Антонина Васильевна неделю назад приходила ко мне консультироваться по поводу дарственной. Такая была жизнерадостная. Просто не верится, что её больше нет.

Юля даже не удивилась, что её школьная подруга-нотариус вечно в курсе всех событий, происходящих в городе.

– Она приходила к тебе в контору?

– Да.

– А дарственную на кого собралась оформить?

– На кого? – переспросила по привычке Шарова. – На свою единственную дочь! На кого же ещё?

– А я и не знала, что Лена с дочками живет в квартире

матери, – вздохнула журналистка, вспомнив, как испугалась, когда Колесников сообщил ей, что убили хозяйку квартиры.

– Они раньше жили в «однушке», но когда Елена забеременела вторым ребенком, Антонина Васильевна поменялась с ними жилплощадью. Примерно за полгода до того, как её Вовку посадили.

– Какого Вовку? – удивилась Юля.

– Мужа, а ты что, не знала?

– Лена сказала, что её муж умер, – недоуменно ответила собеседница.

– Вот оно что, – усмехнулась Шарова и после недолгой паузы добавила, – её можно понять. По-видимому, ей не очень хотелось распространяться о том, что отец ее девочек находится в местах не столь отдаленных.

– Значит, она меня обманула?

– Ну и что такого? – спокойно проговорила Ольга. – Ты на Ленку не обижайся! Мужик он был неплохой и попал на зону по глупости. А раньше она его хвалила. Говорила, что её Володя работающий и заботливый.

– А за что его посадили?

– Ой, Симонова, какая ты любопытная! – бывшая одноклассница усмехнулась. – Он сбил мужика на машине.

– Насмерть?

– К сожалению.

– А давно это было?

– Это было, – Ольга замолчала, а Юля перевела взгляд

на Виктора, который сделал тише звук у телевизора и с интересом наблюдал на любимой женщиной. Тем временем, собеседница продолжила:

– Два года назад! В сентябре две тысячи второго, – уточнила она.

– Даже месяц помнишь?

– Видишь ли, Ленка несколько лет жила на одной площадке с моими родителями. Я помню, что они шутили, когда узнали, что она родила свою Анечку в день рожденья моего отца – девятнадцатого октября. А Володя попал в аварию ровно за месяц до этого события.

– Так-так, – пробормотала журналистка и попрощалась с подругой детства.

Отключив телефон, она озадаченно посмотрела в окно.

– Что означает это «так-так»? – улыбнулся Виктор и провел ладонью по обнаженному плечу Юли.

– Просто задумалась.

– Это не просто, – усмехнулся он.

– Ой, пожалуйста, без намеков! – женщина обиженно надула губы. – Мне захотелось проанализировать ситуацию. Вот и всё!

– Давай сделаем это вместе!

– Правда? – Юля повернулась к Виктору и прищурила глаза, пытаясь распознать, шутит он или говорит серьезно.

– Мне кажется, что ты уже схватила кончик нити, которая приведет к разгадке преступления, – мужчина хитро ей под-

мигнул, – и тебе не терпится рассказать свои соображения мне! Ну, разве я не прав?

– Конечно, прав! – с улыбкой кивнула она и вздохнула. – Как ты меня так хорошо изучил!

– А это несложно! Юлька, ты очень искренний человек, – он перешел на шепот, – и к тому же – моя половинка.

– Да? – она с восторгом посмотрела мужчине в глаза.

– Да! Причем лучшая!

– Значит, ты – моя худшая половинка? – Юля тихо засмеялась.

– Нет, – он покачал головой, – так нечестно!

Николаев схватил её в охапку и опрокинул на подушки.

– Я соскучился!

Мужчина откинул легкое стеганое покрывало и бесшумно сел на край дивана. В комнате было относительно светло благодаря уличному фонарю, бросающему свой тусклый отблеск в окно. Виктор поднял взгляд на стену, где монотонно тикали часы.

– Что случилось? – прошептала Юля.

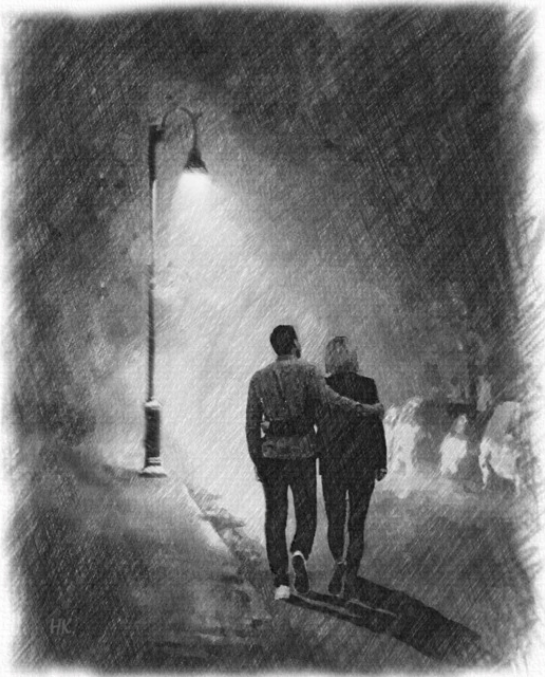
– Курить хочу, – вздохнул он.

– На балкон нельзя, Марту разбудим.

– Тогда я пойду подымлю у подъезда, – Виктор потянулся за джинсами.

– Я с тобой!

– Спи, завтра на работу!

– Мне тоже не спится.

Небо таинственно мерцало блестящей россыпью звезд. Город спал, прикрыв дома предрассветным туманом, словно

легким пуховым одеялом. Нечеткие очертания домов и деревьев казались загадочными и магическими. Город, такой шумный днем, ночью был безлюден и сиротливо одинок. И в этой необычной тишине хотелось раствориться и молчать, чтобы не нарушить эту чудесную безмолвную идиллию. Чиркнула спичка, и Юля почувствовала запах паленой серы.

– Ты считаешь, что муж твоей портнихи как-то причастен к убийству её матери? – спросил Виктор после глубокой затяжки.

– Я думаю, что косвенно причастен, – шепотом ответила журналистка.

– А мотив?

– Финансовый!

– Постой-постой, – он поднял лицо к небу и выпустил изо рта серую струйку дыма, – тебе же Ольга сказала, что эта женщина, ну, которую убили, хотела сделать дарственную своей дочери. Это значит, что твоя...

– Лена, – подсказала ему Симонова.

– Да, эта Лена и так получила бы трехкомнатную квартиру. Когда выйдет её муж на свободу, он тоже автоматически станет её владельцем.

– А вот и нет, – Юля взяла мужчину под руку, – дарственная на квартиру как раз предполагает одного хозяина! И муж Елены никакого отношения к ней не имеет, понимаешь?

– Ну и что? – Виктор пожал плечами. – Теперь твоя портниха получит эту квартиру в наследство! И в этом случае она

тоже единственная хозяйка этой жилплощади. Разве не так?

– Надо у Шаровой уточнить эти подробности. А вообще, странное преступление, – собеседница задумалась, – на ограбление не похоже. Все стояло на своих местах. Зачем убивать пожилую женщину?

– А меня другое в этом преступлении заинтересовало.

– Что именно?

– Личность убийцы, – Николаев затянулся и резким щелчком бросил окурок в сторону, – обычный человек не носит при себе заточку.

– Значит, это профессионал?

– По крайней мере, он заранее подготовился к этому визиту!

– Думаешь, он хорошо знал хозяйку?

– Уверен! А почему тогда жертва впустила его в квартиру?

– Он мог представиться кем угодно: слесарем, электриком, – Юля усмехнулась, – в конце концов, просто знакомым её дочери! Думаю, у неё клиенты не только женщины, но и мужчины.

– Наверное, рано строить предположения, не имея никаких фактов, для начала тебе надо поговорить со своей портнихой. Но хитро, как ты умеешь!

– Я тоже так считаю, – она положила голову на грудь мужчины, – такая тихая ночь, даже не хочется возвращаться домой.

– Давай прогуляемся, мне так спокойно и хорошо, как ни-

когда!

Лена открыла дверь сразу, будто стояла и ждала гостей. Её волнистые светлые волосы были перехвачены черной повязкой, как ободком. Глаза молодой женщины были припухшие. Она скорбно кивнула, приглашая Юлю жестом войти в квартиру.

– Костюм готов, – сказала она.

– Как ты, Лена? – журналистка с тревогой посмотрела на портниху.

– Нормально, – прошептала та, но её подбородок предательски задрожал. Она всхлипнула и махнула рукой, – проходи.

Гостя сказала заготовленные фразы о сочувствии к её горю не потому, что была равнодушной и бессердечной. Нет. Юля понимала, что должна узнать информацию, которой Лена вряд ли поделится с оперативниками. А если она сейчас даст волю своим эмоциям, то не сможет объективно оценить слова несчастной женщины.

– Ольга сказала, что твоя мама была прекрасным человеком, – участливо проговорила журналистка, усаживаясь на предложенный стул.

– Мама, – начала портниха и опять всхлипнула, – была такой доброй, такой честной, готовой всем помочь. Она всю жизнь вкалывала... В ноябре собиралась на пенсию...

– А кем она работала?

– Водителем троллейбуса, – рассказчица часто заморгала глазами, – профессия не женская, прямо скажем. Приходила домой за полночь, уходила на рассвете.

– Работала по сменам?

– Да, – Лена вздохнула, – нам же никто не помогал, вот она и вкалывала, чтобы мы жили «не хуже других», как она выражалась. Зато я росла самостоятельной. В пять лет уже сама яичницу делала... А теперь как я без неё? – она посмотрела на Юлю, с надеждой ожидая ответа.

Приятельница только пожала плечами.

– Я не пойму, за что могли её убить, – продолжила портниха.

– У мамы не было врагов?

– Ну что ты, Юля! Какие враги? – молодая женщина горестно покачала головой. – Скажешь тоже!

– А вдруг, – журналистка сделала паузу, – твоя мама стала нечаянным свидетелем какого-нибудь преступления? Вспомни, может быть, она тебе что-нибудь рассказывала!

– Нет, – собеседница поправила на голове траурную повязку, – вроде ничего необычного с ней не случилось.

– Она часто к вам приходила?

– Как сказать, – Макеева задумалась, – всегда по-разному. Иногда после смены выпитая, сбегает в магазин, купит что-нибудь вкусненькое или сама испечет, и – сюда. У неё же ближе нас никого нет.

– Вчера она тоже что-то принесла?

– Да, – дрожащим голосом произнесла портниха, и её глаза опять наполнились слезами, – пакет с разными фруктами-ягодами, колготки Анюте и осенние сапожки для Танечки.

– А ключи от квартиры у неё были?

– Конечно, были, – Лена с удивлением посмотрела на гостью, – а как же? Мало ли что может случиться!

Юля кивнула и подумала: «Глупый вопрос. У кого, как ни у матери будет храниться запасной набор ключей. Действительно, мало ли что!»

После недолгого молчания журналистка спросила:

– А где твой отец?

– Отец-молодец, – со злой усмешкой произнесла та, – он бросил маму, когда мне было три годика. Я его и не помню, – она подперла кулачком подбородок и задумчиво посмотрела в окно, – ни алиментов, ни поздравлений с днем рождения мы от него никогда не получали.

– А родители отца? Твои родные бабушка и дедушка?

Лена провела ладонью по лицу и задумалась.

– Они с нами не общались.

– Странно, – покачала головой Юля, – ты же им родная внучка!

– Я смутно помню, как однажды мы с мамой ходили к ним. Помню статную женщину с такими темными волосами, как воронье крыло, и мужчину в полосатых пижамных брюках с газетой в руках... Детская память избирательна, – она

грустно усмехнулась.

– Интересно, – хмыкнула Юля, – если их сын вас оставил, почему же и они отвернулись от вас?

– Не знаю, – она вздохнула, – а ещё почему-то врезалось в память, что в их квартире пахло пирожками, но они меня не угостили.

– Ты ничего не путаешь?

– Нет, – портниха встала со стула и включила газовую горелку под чайником, – я даже заплакала, выйдя в подъезд. Так захотелось пирожков! Господи, мне было тогда лет пять, наверное.

– Интересно, а зачем твоя мама к ним ходила?

– Наверное, хотела узнать, где мой отец...

– А она выходила замуж еще?

– Не-а.

– Что же, всю жизнь она была одна?

– Мне сейчас кажется, что она кроме работы и дома ничего и не замечала. Как заведенная была. Все бегала, бегала...

– Может быть, она всю жизнь любила твоего отца, поэтому ни на кого не смотрела? – предположила журналистка.

– Не знаю, – задумалась женщина, – мы на эту тему с ней никогда не говорили. Как будто его вообще не было в нашей жизни.

– Вы не откровенничали друг с другом?

– Ну что ты! – Лена покачала головой. – Конечно откровенничали! Когда я в девятнадцать лет забеременела, пер-

вой, кто узнал об этом, была моя мама! И она меня не ругала, не стыдила, как другие родители делают. Обняла и сказала: «Ничего, дочка, не грусти! Вырастим твоего ребеночка! Нам не привыкать в жизни только на себя рассчитывать!»

Из глаз рассказчицы потоком хлынули слезы. Она рывком схватила со стола кухонное полотенце и прижала его к лицу. Послышались глухие рыдания. Юля робко погладила женщину по руке, искренне ей сочувствуя. Она украдкой посмотрела на часы и вздохнула: надо было спешить на работу, на съемку опаздывать нельзя.

– Танюшка-то не Вовкина дочь, – портниха открыла лицо и виновато вздохнула, – он женился на мне, когда я была на седьмом месяце.

– Надо же, – удивилась собеседница, – наверное, он тебя сильно любил, – убежденно подметила она, ожидая откровений об якобы умершем муже.

И не напрасно.

– Почему же «любил»? Он меня и сейчас любит, – Лена улыбнулась сквозь слезы, забыв о своем обмане.

– А ты говорила, – собеседница замолчала, подбирая слова, чтобы не обидеть портниху.

– Ты прости, пожалуйста, но в прошлый раз я тебе сказала неправду. Ты для меня тогда была просто клиентка. Чужой человек!

– А сейчас? – грустно улыбнулась Юля.

– А сейчас – подруга, которая пришла поддержать в труд-

ную минуту. Так вот, жив мой Володька, просто его посадили на пять лет. Стыдно мне перед людьми, дочки растут, вот я его для всех и похоронила. Чтобы не задавали лишних вопросов, – добавила она.

– А за что его?

– Сбил он человека, только он не виноват, – женщина замотала головой и настойчиво повторила, – он не виноват.

– А как это случилось?

– Старик был сильно пьяный, вот и бросился под колеса, – Лена всхлипнула, – а муж целый день баранку крутил, устал бедняга и в темноте не заметил этого проклятого алкаша.

– Твой Володя таксистом был?

– Нет, он фуры с товаром гонял с Краснодара.

– Значит, дальнобойщиком.

– Да, – кивнула портниха, – дальнобойщиком.

Вернувшись со съемки, Юля сразу отправилась в отсмотровую проверить качество записи. Она вставила кассету и оглянулась на звук открывшейся двери.

– Ну как, есть новости по убийству? – Виктор сел рядом и протянул бокал.

– Спасибо, – она сделала глоток и почувствовала приятный привкус на губах, – вкусный кофе.

– Не томи, – усмехнулся мужчина.

Журналистка коротко пересказала беседу с портнихой, попутно добавив свои выводы.

– Вполне возможно, её муж был хороший парень, я бы даже сказала – благородный, но, – она прищелкнула языком, – два года на зоне и не таких меняют, правда?

– Может быть.

– А еще меня заинтересовал её исчезнувший папаша.

– Почему? Он бросил семью лет тридцать назад. Чего это вдруг он решил грохнуть свою бывшую жену?

– Витя, ты же знаешь, как некоторых гложет ненависть и обида. А потом, спустя десятилетия люди мстят. Мы же не знаем, почему родители Лены разошлись? Думаю, и она толком не знает причину.

– Помню расследование смерти твоего дяди Ивана в Залиманском, – он согласно кивнул и нахмурил брови.

– Да, как пример, – вздохнула Юля.

– Александра Зенина – тоже хорошая женщина, а задушила своего любимого подушкой!

– И, между прочим, спустя тридцать лет.

– Никогда не забуду тот случай. Ладно, – Виктор махнул рукой, – продолжай. Что дальше с портнихой.

– Потом мы с Леной вспомнили, что во время примерки в воскресенье приходил какой-то мужичок. Знаешь, такой неказистый, в кепке потертой. И глазки блудливо бегают.

– А зачем он приходил?

– Спрашивал каких-то, – журналистка уставилась в потолок, вспоминая разговор на лестничной площадке, – забыла!

– Что забыла?

– Фамилию! Ну надо же, – она покачала головой, – какая-то шершавая фамилия. Как обидно!

– Не переживай, вспомнишь! Я тебя знаю, – улыбнулся Николаев и добавил, – ты кофе пей, а то остынет!

Глава 3

Начальник отдела уголовного розыска подполковник Колесников уселся за свой рабочий стол и открыл папку с документами по делу об убийстве на Гвардейской улице. Он стал методично просматривать все протоколы и справки, аккуратно откладывая в сторону прочитанные листы. Преступление это не давало ему покоя. Убита немолодая женщина Антонина Васильевна Голубева сорок девятого года рождения. Трудовой стаж – почти тридцать восемь лет, из которых двадцать восемь она проработала на одном месте – в городском трамвайно-троллейбусном парке.

– Удивительное постоянство, – буркнул снисходительно он.

Характеристика с места работы была превосходная: одни поощрения, благодарности и ни одной аварии за все время. Жила Антонина Васильевна скромно в однокомнатной квартире своей единственной дочери, в виду того, что свою трехкомнатную отдала последней. Ну что тут еще. С работой и жилищными условиями понятно, а как насчет личной жизни? Подполковник свел брови к переносице. Была замужем за своим ровесником – Аркадием Степановичем Голубевым, который скрылся в неизвестном направлении спустя четыре года после свадьбы. Второй раз Антонина Васильевна замуж не выходила. Ни с кем не судилась, жила тихо и мирно.

Кому же понадобилось убивать обыкновенную российскую гражданку, да еще таким способом?

– Вениамин Сергеевич, – в кабинет заглянул старший лейтенант Кравцов, – экспертиза готова!

– Давай посмотрим, – Колесников махнул подчиненному рукой.

Виталий подал документ, а сам уселся на стул у окна и стал наблюдать за начальником, который углубился в чтение.

– Так-так, – подполковник поднял голову и посмотрел на старлея, – какие соображения?

– Наш криминалист уверен, что удар нанесен заточкой уверенным движением, – Кравцов покачал головой, – похоже, что «работал» профессионал.

– Да это я сразу понял, – поморщился подполковник, – экспертиза показала, – он ткнул указательным пальцем в строчку, – что на лезвии обнаружены микроскопические частицы ржавчины. Следовательно, её никто не использовал много лет. Вот это интересно!

– А я вообще, – усмехнулся старший лейтенант, – ещё ни разу не сталкивался с таким оружием убийства.

– Виталик, какие твои годы! – начальник отдела с улыбкой посмотрел на подчиненного. – Послужишь с моё, еще не такое увидишь!

– Вениамин Сергеевич, а почему вас заинтересовал тот факт, что этой заточкой давно не пользовались?

– Отвечу, – Колесников постучал костяшками пальцев по столу, – думаю, что преступник давно отошел от дел. Я даже могу предположить, что он когда-то совершил убийство этим орудием, а потом «завязал».

– Значит, он в возрасте?

– Получается, что «да».

– Тогда, зачем преступник сохранил заточку? Глупо же! Велика вероятность того, что её могут найти! А по ней раскрыть убийство!

– Башковитый ты, Виталик, – засмеялся начальник, – правильно мыслишь! Если убийство раскрыто, то орудие изымается.

– Получается, что это был висяк?

– Поэтому, нам надо попробовать найти нераскрытое дело в архиве.

– А если преступник нашел заточку или ему кто-то её дал?

– Хочешь сказать, что у него это первое убийство? – подполковник разложил фотографии убитой по столу. – Смотри, – он показал на крупный план раны жертвы, – он нанес точный удар под лопатку и попал прямо в сердце. Это сделал не новичок. Но у меня возникает вопрос, почему женщина повернулась к нему спиной?

Кравцов молча уставился на снимок.

– Незнакомец представился, например, работником ЖЭКа или страховым агентом и попросил показать документы на квартиру, – проговорил он после недолгой паузы, –

женщина направилась в другую комнату, а он в это время воткнул ей в спину заточку.

– Согласен, что незванный гость мог назвать себя кем угодно, но Голубева не жила в тот момент в этой квартире! С какой стати она будет рыться в документах дочери?

– Хотите сказать, что она знала убийцу?

– Антонине Васильевне пятьдесят четыре года, и вероятный преступник, приходивший в то утро к Макеевым, по словам соседки из шестьдесят второй квартиры, человек тоже немолодой. Могли знать друг друга эти двое?

– Могли, конечно, – старший лейтенант на мгновение задумался, а потом радостно озвучил свою догадку, – товарищ подполковник, а непропавший ли это муж Голубевой?

– Вот и займись этим. Надо найти этого Аркадия Степановича и перелопатить в архиве все нераскрытые убийства заточкой.

– Есть! – Виталик встал со стула.

– Надо постараться закрыть это дело как можно быстрее, – Колесников покачал головой, – начальство торопит. Будут вопросы или соображения – сразу ко мне в любое время!

– А Сабир и Саша?

– Майор Гусейнов и лейтенант Боровичков уже получили задания и отрабатывают другие версии.

Юля открыла микроволновку и поставила в неё тарелку с котлетами. Коснувшись пальцем сенсорной кнопки, она

оглянулась на звук шагов.

– Симонова, тебя Давидовна разыскивает, – улыбнулась Марина Еремеева и шмыгнула носом, – как вкусно пахнет!

– Блин, – журналистка сделала недовольное выражение лица, – только пообедать хотела. Чего ей надо?

– Да фиг ее знает! – Маринка усмехнулась. – А где Николаев? Без него решила похоячить?

– А причем здесь он?

– Да вы с Витькой неразлучные, – сотрудница махнула рукой и хихикнула, – как моя бабушка говорила: «Сладкая парочка – гусь да гагарочка».

– Сама ты гагарочка, – Юля шутливо погрозила кулаком перед носом подруги, – пошла я к начальству.

– А что разогреваешь в микроволновке?

– Котлеты!

– Тогда я их съем! – пошутила подруга.

– Только попробуй, смотри слопать, – засмеялась коллега, обернувшись, – я их посчитала!

Карина Давидовна сидела перед монитором компьютера с важным видом. Юля почему-то сразу вспомнила слова Виктора: «Нашел себе в жизни место, сделай его значительным!»

– Слушай, Симонова, – главный редактор посмотрела на подчиненную, – у нас в новостях на этой неделе такая преснятина: собрания да заседания. Смотайся-ка ты к своим

друзьям в уголовный розыск, пусть какую-нибудь страшилку расскажут для сюжета, – она ткнула пальцем в газету, – тут пишут, что какую-то бабу из трамвайно-троллейбусного депо убили.

– Когда идет следствие, информацию нельзя разглашать, – уныло ответила Юля, понимая, что в Управление внутренних дел все равно придется ехать. Если Карина что-то надумала, то так тому и быть.

– Значит так, – начальница сурово свела брови, – задание получила, иди и выполняй!

Журналистка кивнула и молча взялась за ручку двери, собираясь покинуть кабинет руководителя.

– Ну пусть хотя бы в общих чертах расскажут о своей работе, предоставят статистику по раскрываемости преступлений в городе на сегодняшний день, – уже мягче добавила редактор.

– На какое число делать сюжет? – без энтузиазма спросила Юля.

– На завтра сможешь?

– У меня уже запланированы две съемки.

– Тогда давай на понедельник!

В небольшой комнате, отведенной на студии под столовую, уже собрался народ. Каждый занимался своим делом: шуршали пакеты, гремели кастрюльки, хлопали крышки пищевых контейнеров. Съестные запахи перемешались между

собой, и этот «букет ароматов» освежал в памяти доступный некогда советский общепит.

– Собрались грешники-чревоугодцы! – засмеялась Настя Прокопенко, доставая из сумки контейнер.

– Пища – это Божие благословение и естественная человеческая потребность, – с назидательным видом проговорил Игорь Воронцов и откусил бутерброд, – если мы едим, чтобы подкрепить свой организм, то это совершенно нормальный процесс, не имеющий отношения к чревоугодию. Другое дело, если все наши мысли заняты едой и питьем!

– Правильно, Воронцов! – похвалила его Чаплыгина. – Вспомним, что первое искушение Христа, когда он постился в пустыне сорок дней, было связано именно с едой. Дьявол предлагал Христу превратить камни в хлеба и вкусить их, утолив свой голод, и мы помним, – она многозначительно посмотрела на коллег, – что отвечает Христос: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»!

– С вами пошутить уже нельзя, – недовольно буркнула Настя, – такие все начитанные!

– Мы такие, – не унималась Ирина Петровна.

– А как же традиции хлебосољства и гостеприимства у всех народов? – возразила Марина Еремеева. – Это тоже порок?

– А гостеприимство – это добродетель, – авторитетно заявила Прокопенко, – потому что я угощаю гостя.

– Кто с этим поспорит? – вступил в беседу Руслан Агафонов.

– Никто, – Димка Матвиевский сделал глоток из стакана и поставил его на стол, – это как раз тот случай, матушка, когда принятие пищи превращается из проклятия во благо! И я что-то не наелся, – он хитро посмотрел на сотрудников, шутливо поглаживая свой живот, – у нас есть хлебосольные коллеги, желающие сотворить добро ближнему?

Юля вошла как раз к концу диспута. Она направилась к Еремеевой, которая сидела за столом. Увидев подругу, Марина подняла вафельное полотенце с глубокой тарелки.

– Ву-а-ля, – сказала она, показывая нетронутые котлеты.

– Придется с тобой поделиться, – невесело улыбнулась Юля и плюхнулась рядом на свободный стул.

– Не слышу оптимизма в голосе. Что Давидовна сказала? – мгновенно став серьезной, спросила Еремеева.

– Как обычно, – вздохнула собеседница, – посылает на съемку.

– Ну и что ты такая расстроенная? Она же тебя не уколы делать посылает или пол мести!

– В УВД посылает, а я туда не хочу, – шепотом проговорила Юля, косясь на сотрудников.

– Ну да, понимаю, – Маринка достала из своей сумки стеклянную полулитровую банку, – неловкая ситуация.

– Они же все знают, что мы расстались с Андреем по моей инициативе. Осипова все ребята в отделе уважают, – журна-

листка опять вздохнула, – а я поступила как легкомысленная девица.

– Почему «как»? Ты и есть – легкомысленная девица, – засмеялась Еремеева, открывая пластмассовую крышку, – влюбиться в коллегу, да еще и оператора не может серьезная женщина!

– Вот, ты негодница, – Юля легонько ткнула локтем подругу в бок, – поддержала, называется!

– Твоя проблема и яйца выведенного не стоит, – философски произнесла Марина, – люди все взрослые. Никто тебя не осуждает в отделе Андрея, в этом я уверена на сто процентов!

– Точно?

– Точно!

– А что у тебя на обед? – Симонова резко сменила тему и, хитро прищурившись, кивнула на банку.

– Салат «Оливье», – подмигнула подруга и, бросив взгляд в сторону двери, хмыкнула, – ещё один рот! И так вовремя!

Юля посмотрела в том же направлении и увидела Николаева.

– Господа, всем приятного аппетита! – громко произнес он, входя в помещение под одобрительные возгласы.

Виктор поставил штатив в ближайший угол и встал рядом с Юлей, положив свою ладонь ей на плечо.

– Представляете, – он, будто продолжил прерванный разговор, – сейчас снимали пресс-конференцию. Вышли в ку-

рилку, стали байки травить. А Сафронова с радио говорит, что после института работала в каком-то маленьком городке, условно назовем его «Мухосранском».

– Это Валентина Григорьевна? – с деловым видом переспросила Чаплыгина, направляясь к столу.

– Ну да, – кивнул ей Николаев и продолжил, – раньше, оказывается, в районные центры и села привозили кино, чтобы демонстрировать в местных клубах, а по телефону заранее наговаривали информацию для афиши. Короче, – засмеялся он, поглядывая на притихших сотрудников, – дело было в конце восьмидесятых. Как местному художнику сказали, так он и написал. Получилось яркая афиша, – рассказчик взмахнул рукой, будто расписывает стену, – «Впервые в Доме культуры Мухосранска новый художественный фильм «Человек с бульвара». В главных ролях: Капуцинов, Миронов, Боярский, Яковлева...

Последние слова рассказчика никто уже не услышал из-за нарастающего смеха благодарной публики.

После обеда Юлия отправилась в редакторскую. Она довольно долго смотрела в окно, собираясь с мыслями, потом с кислым видом «Ничего не поделаешь» набрала знакомый номер и приложила трубку телефона к уху. Послышались унылые протяжные гудки. Она собралась уже отключиться, как услышала голос Вениамина.

– Подполковник Колесников!

– Журналист Симонова! – ответила она с такой же инто-

нацией.

– О, привет, Юлия! А что на сотовый не звонишь? Я не всегда работаю в кабинете, приходится и в другие места заглядывать.

– Да я, – начала растерянно собеседница.

– Понятно, деликатничаешь! – с присущим сарказмом прервал её Вениамин. – Что случилось?

– Ничего не случилось, просто получила редакционное задание – сделать сюжет о преступности в нашем городе.

– Вот оно что, – усмехнулся подполковник.

– Если у тебя нет возможности, – Юлия еще надеялась, что Колесников ухватиться за её подсказку и откажется от встречи с телевизионной группой, сославшись на занятость, – то так и скажи.

Но не таков был Веня.

– Для тебя всегда найдем время, – бодро ответил он, – тебе сейчас надо?

– Ну зачем такая спешка? – засмеялась журналистка. – Давай, я через часок к тебе заскочу, чтобы обговорить нюансы!

– Хорошо, заходи, – доброжелательно согласился начальник отдела, – значит, до встречи! Пропуск будет на вахте.

Журналистка положила трубку на место и, безнадежно махнув рукой, отправилась писать заявку на съемку.

Подполковник Колесников внимательно посмотрел на офицеров своего отдела, неторопливо рассказывающих

за столом в его кабинете. Он улыбнулся.

– Какие у нас новости, господа?

– Я был в трамвайно-троллейбусном парке, где работала убитая, – лейтенант Боровичков раскрыл папку с документами, – поговорил и с руководством, и с рядовыми работниками. В коллективе ее уважали.

– Характеристику на нее ты мне уже отдал, – перебил его подполковник, – что-нибудь еще интересное есть?

– Антонина Васильевна много лет занимала должность председателя профкомитета парка, к ней шли со всеми проблемами, а она всегда помогала, – продолжил лейтенант, – ребенка в садик устроить, путевку в школьный лагерь выбить, кому лекарства достать, навещала сотрудников в больнице. А вот, – он показал исписанный листок, – показания соседей, где она проживала последние годы. Все говорят, что хорошая женщина была, душевная.

– Саша, ты же понимаешь, что даже у хорошего человека бывают враги и недоброжелатели, – Колесников посмотрел на подчиненного, – надо тщательнее искать. Виталий, а что у тебя?

– Я разыскал бывшего мужа убитой. Аркадий Степанович Голубев сорок девятого года рождения живет в Ленинградской области. Год назад похоронил жену. Имеет сына семьдесят седьмого года рождения. Я послал запрос в местный отдел внутренних дел на предмет его нахождения в день убийства Антонина Васильевна Голубевой.

– Ответа пока нет?

– Нет.

– А чем он занимается? – Вениамин заинтересованно посмотрел на старшего лейтенанта.

– У него свой бизнес, – Кравцов заглянул в свои записи, – автомастерская и магазин по продаже деталей для машин.

– Значит, есть станки по металлу, – задумчиво проговорил Колесников.

– Вы про заточку подумали, да? – старлей махнул головой.

– Про заточку, про заточку, – усмехнулся начальник, – ты в архиве что-нибудь нарыл?

– Смотрите, – Виталий положил на стол три фотографии, – эту женщину убили заточкой в тысяча девятьсот семьдесят третьем году. Самое интересное, – он сделал многозначительную паузу и посмотрел на коллег, – что удар нанесен в сердце со стороны спины, как и в нашем случае. Похоже на квартирную кражу, есть показания мужа убитой и све-крови, что пропали несколько дорогих золотых украшений: кольца, цепочки, сережки.

– В общем, всё стандартное. Так?

– Есть одна вещичка примечательная, – старлей провел пальцем по строчке описи, – кулон в виде скорпиона, сделанный на заказ в ювелирной мастерской. По словам мужа убитой, одна клешня отломана.

– Ну, понятно, – Колесников нетерпеливо прервал подчиненного, – еще какие-нибудь подробности есть?

– Преступник скрылся, орудия убийства на месте не оказалось, дело закрыто за недостаточностью улик, – Кравцов нерешительно пожал плечами, – У жертвы остались две дочери.

– Да, – подполковник по своей многолетней привычке постучал костяшками пальцев по столу, – ухватиться не за что. Ты, Виталий, заberi это дело из архива и принеси мне. Я покумекаю на досуге. А сейчас давайте обсудим все возможные версии убийства на Гвардейской улице.

Колесников еще собирался что-то сказать, но дверь кабинета резко открылась, и на пороге появился майор Сабир Мансурович Гусейнов.

– Простите за опоздание, товарищ подполковник, – вошедший небрежно расстегнул пиджак и, достав носовой платок из кармана, вытер вспотевший лоб, – задержался в областной коллегии адвокатов. Ну и порядочки у них, я вам скажу, – он довольно улыбнулся и плюхнулся всем своим весом на свободный стул, – бюрократия сплошная!

– Но вижу есть результаты от этого визита, – начальник отдела нетерпеливо посмотрел на майора.

– Есть, – тот победно оглядел сотрудников, – я интересовался в коллегии зятем убитой Голубевой. Так вот, в две тысячи втором году Владимир Егорович Макеев был осужден на пять лет за непредумышленное убийство Василия Федоровича Широкова. Последний в нетрезвом виде попал под колеса фуры, которой управлял Макеев.

– А почему этому Makeеву так много дали? – спросил старший лейтенант. – Был в нетрезвом состоянии за рулем?

– Вот я сейчас, Александр, этот вопрос и задал адвокату Makeева – Ольге Петровне Буданцевой. Судя по ее рассказу, она была уверена, что парень получит не больше двух лет и то условно. Однако появились свидетели происшествия, которые показали, что водитель мог свернуть в сторону, и человек бы остался жив. На суде Makeев сам признался, что не спал почти сутки, гнал фуру из Краснодара практически без остановок, потому что спешил к беременной жене.

– Честный такой? – усмехнулся Кравцов.

– Так же следствием было установлено, что он еще и скорость превысил на этом участке дороги. Но дело даже не в этом, – Сабир Мансурович хитро подмигнул, – только что пришел ответ на мой запрос из зоны, где отбывает свой срок осужденный Makeев.

– Так-так, – Колесников с интересом посмотрел на майора.

– Полгода назад туда прибыл наш земляк – Геннадий Отняткин, по кличке Штопор. Прославился этот преступник квартирными кражами, а срок получил в девяносто седьмом году за убийство свидетельницы.

– Штопор, – сосредоточенно проговорил Колесников, – припоминая это дело, – он сосредоточенно почесал затылок, – кажется, ограбление дома директора рынка на Малахитовой улице?

– Да, на Малахитовой!

– Хозяйка вернулась не во время домой, и он убил ее заточкой. Правильно? Ему дали, по-моему, восемь лет.

– Все точно, Вениамин Сергеевич! – радостно поддакнул майор.

– Помню, убитая женщина была очень красивая, и наш криминалист, посмотрев на неё, сказал: «Как у него рука поднялась на такую!», – Колесников задумчиво посмотрел в окно, – семь лет уже пролетело, надо же!

– Это дело раскрыли вы? – с уважением спросил Боровичков.

– Нет, не я. Просто убийство было громкое.

– Так что дело гражданки Антонины Васильевны Голубевой с улицы Гвардейская, – не обращая внимания на ностальгические нотки в голосе подполковника, продолжил Гусейнов, – считайте, раскрыли!

– Сабир, я не понял, откуда такой оптимизм? Этому Штопору на зоне ещё целый год отбывать, – удивился Кравцов.

– За примерное поведение вышел Геннадий Отняткин раньше срока, а если точнее, то две недели назад! – Гусейнов даже языком прищелкнул от удовольствия.

– Гуманные у нас в стране законы, – пробурчал Боровичков, – пропорол человека заточкой, а потом убийцу хвалят и отпускают раньше срока за примерное поведение.

– Для начала надо объявить в розыск Геннадия Отняткина и ехать в лагерь, чтобы прижать Макеева, – не обращая

внимания на комментарии, продолжил майор, – думаю, он быстро расколется, за что он решил расправиться со своей тещей и дал наводку на её квартиру.

– Допросить Макеева надо, но мне кажется, – Колесников посмотрел на Боровичкова и Кравцова, – что дальнбойщик тут ни при чем. Хотя, – он перевел взгляд на Гусейнова, который покачал головой, явно не соглашаясь с выводами начальника, – эту версию необходимо тоже отработать.

– Зачем придумывать сложности, когда разгадка лежит на поверхности? – майор прищурил глаза. – Все мы знаем эту зоновскую публику. Кто туда попадает, быстро начинает жить по их волчьим законам. А потом, – он даже привстал от догадки, – парня могли просто-напросто припугнуть и заставить выложить информацию, где жена и мать прячут деньги и золотые украшения.

– Но, по словам дочери убитой, из квартиры ничего не пропало, – тут же возразил сотруднику Кравцов.

– Дамочка находится в шоковом состоянии и пока не может быть в этом уверена, – почти злобно проговорил Гусейнов, – а потом, мы не знаем истинной цели визита преступника!

– Истинной цели визита мы, действительно, не знаем, – жестко его прервал подполковник.

– Так я узнаю! – уверенно произнес Гусейнов.

– Хорошо, Сабир Мансурович, оформляй командировку и отправляйся на встречу с Макеевым, – а сейчас давайте

обсудим и другие версии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.